

Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера

Впервые в исследовательской литературе о Ф. М. Достоевском писатель выступает как крупнейший предшественник франкфуртской школы неомарксизма. В статье осуществлен компаративистский анализ философом М. Хоркхаймера и «русского Данте» сквозь призму амбивалентности конформизма и нонконформизма. Рассмотрены психосоциальные архетипы И. Ф. Карамазова, Н. Ф. Барашковой и «подпольного господина» в сопоставлении с антропологическими изысканиями И. Хоркхаймера в его монографии «Затмение разума». Авторы приходят к выводу о принципиальном мировоззренческом единстве между директором франкфуртского социологического института и русским классиком.

Ключевые слова: конформизм; нонконформизм; неомарксизм; франкфуртская школа социологии; затмение разума; Ф. М. Достоевский; М. Хоркхаймер.

Вопрос об эйдетических источниках франкфуртской школы критической социологии не является сугубо академическим, а имеет некоторое практическое значение, обусловленное кризисными явлениями современной мамонистической цивилизации. Мировые финансово-экономические катаклизмы, стремительное разрушение природной среды, деструкция общественной безопасности, проявляющаяся в значительном росте региональных военных конфликтов по линиям междивизиональных разломов, – все это свидетельствует о необходимости поиска альтернативных моделей миропроектного устройства. Одним из подобных сценариев будущего развития человеческой цивилизации могут быть концептуальные разработки представителей франкфуртской школы неомарксизма. В качестве эйдетических предшественников данного направления мысли чаще всего называют самого К. Маркса, З. Фрейда, Г. Лукача, М. Вебера, Г. Гегеля и др. Но, по нашему мнению, практически все творчество Достоевского является ярчайшей увертюрой к работам представителей данной школы. Более того, «русский Данте» сформировал основные социально-политические идеи, выдвинутые франкфуртцами примерно за 70–80 лет до образования данного интеллектуального сообщества. Поскольку мы позиционируем Достоевского как одного из предшественников данной школы, нам следует подробнее остановиться на степени влияния русского классика на Э. Фромма, Г. Лукача, В. Беньямина, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера и др. Каким образом франкфуртцы оценивали и использовали произведения «русского Данте»? Стоит отметить, что в данном аспекте можно говорить о прямом и опосредованном воздействии идей Достоевского на основных представителей данной школы. Начнем с опосредованного влияния. В своем исследовании под названием «Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в.» академик Г. М. Фридендер отметил, что многие выдающиеся литераторы Германии XX века испытывали на себе мощное, хотя и неоднозначное воздействие творчества русского классика, значительное число которых оставило многочисленные письменные свидетельства об этом факте [6]. Например, такие крупные немецко-австрийские поэты, культурологи и писатели, как Р. М. Рильке, М. Брод,

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).
E-mail: Lesev100@mail.ru

** **Евгений Владиславович Ляхин**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).
E-mail: Evgeny102@yandex.ru

Ф. Верфель, Г. Мейринк, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Гессе, Т. Манн в своих многочисленных высказываниях отмечали незаурядный талант «русского Данте». Могли ли немецкие интеллектуалы из франкфуртской школы обойти своим вниманием произведения Ф. Кафки, С. Цвейга, Г. Гессе, Т. Манна? Полагаем, что нет. В данном контексте идеи Достоевского проходили многоуровневую абсорбцию в социокультурном и философском сознании творческой элиты Германии. С другой стороны, можно говорить о прямом воздействии идеологом Достоевского на некоторых представителей франкфуртской школы. Например, один из крупнейших теоретиков культуры XX века В. Беньямин в своей статье «“Идиот” Достоевского» достаточно подробно рассматривал это произведение, отмечая, что русский классик является выразителем самой сущности «славянской души». Представитель франкфуртской школы упрекает немецких исследователей Достоевского в том, что они делают излишний упор на рассмотрении психологизма персонажей романов, тогда как необходим социокультурный анализ русского почвенничества, порождающий столь необычное для западноевропейского человека литературное явление. Другим представителем франкфуртцев, испытавшим на себе прямое влияние мировоззренческого дискурса Достоевского, является Г. Лукач. Венгерский мыслитель в период с 1914-го по 1915 г. писал книгу о русском литературном гении, но по разным причинам данная монография не увидела света. Значительное число исследователей творческого наследия Г. Лукача отмечают существенное влияние произведений Достоевского на мировоззрение молодого философа. Какую проблематику произведений «русского почвенника» заимствовал молодой венгерский мыслитель для своих концептуальных построений? Бессилие добра в отчужденном мире буржуазного общества, проблема сущности террористического сознания, христианство как последняя надежда на сохранение старого и прогнившего социально-экономического строя, отчуждение человека от человека как проявление капиталистического уклада, массовое безумие в лихолетии гражданской войны, пролитие «крови по совести» – только небольшая часть тем, которые перенял венгерский мыслитель у русского литератора. Следующим примером прямого воздействия идеологом Достоевского на франкфуртцев является осмысление концепта свободы в романе «Братья Карамазовы» у Э. Фромма. Общеизвестно, что немецкий психоаналитик читал данное произведение и довольно высоко его оценивал. По мнению Э. Фромма, русский литератор крайне рельефно описал концепт самообмана личности, готовой оправдать жесточайшее насилие над другими людьми ради поставленной цели сохранения власти: «Какими бы ужасными ни были последствия их решений, им не нужно сомневаться в правильности и легитимности метода, которым они пришли к своему решению. Они действуют на основании веры, не сильно отличающейся от веры, на которой были основаны действия инквизиторов Святой Инквизиции. Как Великий Инквизитор Достоевского, некоторые могут быть даже трагическими фигурами, они не могут действовать иначе, поскольку не видят другого способа удостовериться, что они поступают наилучшим образом» [7, с. 256]. По нашему мнению, без мощной метафизической поддержки Достоевского книга «Бегство от свободы» могла не выйти в свет. Стоит заметить, что Э. Фромм использует концепт главы «Великий инквизитор» как важнейший источник для своей монографии. Общими аксиологическими парадигмами творчества мыслителей являются: исследование первообраза манипуляции сознанием, садомазохистское подполье души человеческой, процесс утраты личностью бытийственного самопонимания, динамика превращения индивида в конформиста-робота, диалектика инструментального разума, дегуманизирующая экзистенцию человека, и др.

К большому сожалению, кроме публикаций авторов этих строк, в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные влиянию русского

литератора на западную неомарксистскую элиту [4; 5]. Мы в данной работе попытаемся выявить степень опосредованного воздействия идеологом Достоевского на одного из основателей франкфуртской школы М. Хоркхаймера. Выделим общие темы, характерные для творчества вышеуказанных мыслителей.

По мнению М. Хоркхаймера, инструментальный разум в своем тотальном господстве порождает из индивида конформиста-робота, который принимает мир таким, какой он есть. Но принятие мира, основанного на подавлении и господстве человека над человеком, неравенстве и эксплуатации, есть акт капитуляции личности. Нам представляется, что подобная проблематика крайне рельефно представлена в творчестве русского литератора.

Конформизм может трансформироваться до мирнейших форм рабства. Безусловно, социальная мимикрия – важнейший фактор адаптации и социализации человека в обществе, его выживания. Но М. Хоркхаймер задается вопросом: можно ли совестливому человеку, например, приспособиться к национал-социалистическому (нацистскому) проекту? Можно ли ощущать себя «интегрированным» в общество, в котором функционируют газовые камеры и лагеря смерти? По мнению директора франкфуртского социологического института, принять можно далеко не все и с некоторыми формами политического устройства общества необходимо вести перманентную борьбу. Критика франкфуртцев касается и современного «общества потребления», формирующего одномерный тип мышления и скрытые формы «сублимированного рабства» (Г. Маркузе). И именно «в великом отказе» от мира страданий и слез заключается экзистенциальная борьба человека за свое собственное аутентичное Я, за свою утраченную индивидуальность.

Стоит заметить, что впервые в истории отечественной мысли концепт «великого отказа» в форме неприятия мира выразил Достоевский, притом осуществил его художественно-публицистическую разработку значительно раньше Г. Маркузе и М. Хоркхаймера. Приведем пример. Бунт Ивана Карамазова против богоустроенной реальности, переполненной детскими страданиями, есть революция духа, не принимающая тезиса Г. Гегеля о том, что «все действительное разумно». Антиконформистские эскапады Достоевского в романе «Братья Карамазовы» достигают высочайшего накала. По нашему мнению, болен не Иван, а общество, в котором страдание, бесправие и несправедливость стали обыденностью, социум, в котором по закону конформистского мироустройства «одна гадина съедает другую», где разобщение, одиночество, конкуренция и нажива – общепринятые трафаретные нормы поведения личности: «Можно утверждать, что коллективное безумие, повсеместно наблюдаемое в нашем мире, от концентрационных лагерей до внешне безвредной массовой культуры, в зародыше уже присутствовало в примитивной объективации, в первом расчетливом созерцании человеком мира как добычи» [8, с. 202]. Иван изумлен «окаменелым бесчувствием» людей, которых все устраивает, «социальные рабы» довольны и буквально упоены своим бесправием, они испытывают мазохистское наслаждение от того, что политическая элита (дворяне) использует их как инструмент личного обогащения (эксплуатация крестьянства), как «пушечное мясо» в любой войне, словно некий обезличенно-анонимный объект. Использует во всевозможных социально-экономических экспериментах (реформы или контрреформы). Иван задается вопросом: можно ли чувствовать себя счастливым в обществе, где безнаказанно отдадут приказ о растерзании собаками маленького ребенка? Где одни являются средством для господства других? Бог ли создал этот наполненный страданиями невинных детей мир? Одновременно его изумляет обезличенность индивидов, страх проявить недовольство подобной ситуацией, желание «приспособиться» к подобным «социальным нормам», где «все действительное разумно», ведь конформизм предполагает реализацию жизненной стратегии «быть как все», не иметь собственных «диссидентских мыслей», тер-

петь многовековое рабство, страдание и унижение, прикрываемое именем Божиим. Можно утверждать, что нонконформистские эскапады Ивана Карамазова были квинтэссенцией русской социальной темы, трансформировавшейся от «религиозной проблематики» до проектов изменений социоиерархического устройства государства: «Бог – Творец этого мира, отрицается во имя справедливости и любви. Власть в этом мире злая, управление миром дурное. Нужно организовать иное управление миром, управление человеком, при котором не будет невыносимых страданий, человек человеку не будет волком, а братом. Такова первоначальная эмоциональная основа русской религиозности, такова подпочва русской социальной темы. При этом русская жизнь становится под знак острого дуализма. Бесчеловечность, жестокость, несправедливость, рабство человека были объективированы в русском государстве, в империи, были отчуждены от русского народа и превратились во внешнюю силу. В стране самодержавной монархии утверждался анархический идеал, в стране крепостного права утверждали социалистический идеал. Раненные страданиями человеческими, исходящие от жалости, проникнутые пафосом человечности, не принимали империи, не хотели власти, могущества, силы» [1, с. 119–120]. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, Достоевского мы можем назвать первооткрывателем темы «манипуляция сознанием» в рамках отечественной литературы. Данный факт роднит творчество классика со многими теоретическими выкладками франкфуртцев. Иметь свое аутентичное Я – слишком большая роскошь в современном мире. По мнению М. Хоркхаймера, со времен Достоевского поменялся сам инструментарий конформистского обезличивания поработанных масс – появилась индустрия популярной культуры, медиасреда, СМИ, эффективно манипулирующая сознанием индивида: «Современная массовая культура – несмотря на свободное обращение с избитыми культурными штампами и ценностями – прославляет мир таким, какой он есть. Кино, радио, популярное чтение прописаны одним и тем же рефреном: это наш путь, это маршрут величия – эта действительность, которая есть, которая должна быть и которая будет» [8, с. 164]. Иван Карамазов, как носитель нонконформистского маркузианского сознания, возвращает свой билет Богу, он не готов смириться со страданием безвинных младенцев и несправедливостью этого мира. Для него сытая жизнь в огромном «хрустальном муравейнике» – это не гедонистический «маршрут величия», а дорога к тотальному рабству личности, смилившейся со своим трагическим положением, с гегелевским тезисом о том, что «все действительное разумно». В известном диалоге с Алешей Иван произносит: «Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего – не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [2, с. 265]. Казалось бы, бунт Ивана имеет исключительно религиозный контекст, но нам представляется, что эйдетическая конструкция романа «Братья Карамазовы» значительно сложнее, чем эманация проблемы веры и неверия, борьбы Бога и дьявола в сердцах людей. В рамках подхода франкфуртской школы социологии речь может идти не о Боге, это лишь первый пласт герменевтического анализа, а о власти, не о религии, а о тотальном метафизическом бунте против устоявшегося социального конструкта. В рамках школы фрейдизма, основные тезисы которой легли в основу политической теории франкфуртцев, восприятие надличностного демурга, воплотившегося в Боге, можно трактовать как проблему «Эдипового комплекса» в иерархии государства. В интерпретации фрейд-марксистов Бог – это метафизическое воплощение «сверх-Я», трансформировавшегося до уровня политической власти, устанавливающей жесткий морально-этический и правовой императив, выход за пределы которого карается разнообразными санкциями («утрызения совести», «депрессия», «суицидальные мысли», «тюремное заключение»

и т. д.). Некоторые наиболее импозантные персонажи «русского Данте», такие как Кириллов или Иван Карамазов, пытаются поставить себя на место Бога, провозглашая через этот акт анархического своеволия наступление эпохи метафизических и социальных революций. По мнению Ивана, богоустроенный порядок, систему иерархических отношений, основанных на подавлении одного человека другим, нельзя принять.

Значительная часть монографии М. Хоркхаймера «Затмение разума» посвящена критическому анализу философии прагматизма. Стоит заметить, что вышеуказанная школа получила наиболее мощное практическое воплощение в США. Немецкий мыслитель солидарен с Достоевским в том, что прагматизм превратил человека в исполнительного робота, просчитывающего свою жизнь на десятилетия вперед: «Прагматизм в своих попытках превратить экспериментальную физику в прототип всех наук и устроить все сферы интеллектуальной жизни по образцу лаборатории действует как двойник современного индустриализма, для которого, в свою очередь, прототипом человеческого существования выступает завод, а образцом для всех отраслей культуры является конвейерная линия или парадная атмосфера офиса» [8, с. 61]. Идеологи франкфуртской школы в рамках исследования общества потребления пришли к выводу, что личность превращена в «послушный автомат» с полностью рациональным поведением. Большинство «сублимированных рабов» (термин Г. Маркузе) одномерного общества полностью просчитали свою жизнь на целые десятилетия. Выгодный брак (экономический аспект), полезные для карьеры знакомства, востребованная и высокооплачиваемая профессия, поддержание в хорошем состоянии физического здоровья, поддержка любой власти – все это проявление радикальнейшего рационализма, где нет места случайному, спонтанному поступку или действию. Люди стали заложниками своих же «математических расчетов», они утратили свою подлинность.

Каким образом данная проблема представлена в творчестве Достоевского? Например, в рамках философии прагматизма поступок Настасьи Филипповны Барашковой из романа «Идиот» можно квалифицировать как тяжелую форму сумасшествия, так как рациональный человек никогда не бросил бы в огонь сумму в 100 000 рублей. Фантастическая сумма, если рассматривать индекс цен той эпохи. Более того, он попытался бы удвоить или утроить данный капитал, спланировал бы многообразные цели, на которые его можно было бы потратить. Но данная модель массового поведения – прообраз сублимированного раба, всегда действующего по шаблону и не имеющего своего подлинного Я. Тогда как Настасья Филипповна – это личность с аутентичным внутренним миром, не желающая, чтобы её жизнь проживали другие: «Однако при современной форме индустриализма на передний план вышла обратная сторона рациональности – роль нонконформистской критической мысли в формировании общественной жизни, спонтанность индивидуального субъекта и его непринятие готовых моделей поведения» [8, с. 69]. Спонтанность и непредсказуемость некоторых наиболее импозантных персонажей Достоевского роднит его с теоретическими выкладками многих представителей франкфуртской школы политической социологии.

Приведем другой пример, подтверждающий наш тезис о том, что творчество русского литератора является ярчайшей увертюрой к социальной философии франкфуртской школы. М. Хоркхаймер и его коллега и единомышленник Г. Маркузе настаивали на том, что капиталистический социум, разросшийся до общества всеобщего потребления, предельно рационализировал индивида. Каждая пора данного социума подвержена контролю, трансформации и управлению в целях экономической и политической элиты. Контроль над социумом осуществляют не только репрессивные органы и спецслужбы, но и экономика в целом, формируя ложные потребности и «одномерный тип личности». По мнению франкфуртцев, в

рамках общества потребления существует только одна форма идеологии – эгоистический прагматизм, отстаивание сугубо личных интересов. Деньги, собственность, власть и известность – это элементы мировоззренческого базиса, через который осуществляется скрытое управление современным обществом. М. Хоркхаймер и Г. Маркузе писали, что на сопротивление подобной системе способны только маргиналы, люди, загнанные в глубокое социоиерархическое подполье, так как их не коснулась мощная соблазнительная сила пропаганды «мещанских ценностей». Стоит заметить, что примерно за 82 года до откровений М. Хоркхаймера Достоевский создал подобного «метафизического революционера» в своем произведении «Записки из подполья». «Русский Данте» в своей творческой лаборатории сконструировал удивительного персонажа, который отрицает все ценности «общества потребления», а следовательно, выходит из-под контроля системы, основанной на «товарном фетишизме»: «Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее, и так далее; так что человек, который бы, например, явно и зазнамо пошел против всего этого реестра, был бы, по-вашему, ну да и, конечно, по-моему, обскурант или совсем сумасшедший, так ли?» [3, с. 466]. В отличие от своих одноклассников он не желает делать карьеру, участвовать в абсурдной гонке потребления. Его не прельщают ни высокие должности, ни возможность приобретения капитала, который дает чувство власти над людьми и обстоятельствами («ротшильдовская идея»). Он иной, не шаблонный индивид «общества потребления», и самим фактом наличия аутентичного миропонимания он вызывает желчную ненависть у своих «школьных товарищей», ибо они воплощение посредственности и самого духа мещанства, а он нет. Безусловно, концептуально «подпольный господин» Достоевского крайне близок антропологическому концепту М. Хоркхаймера, который в своей книге «Затмение разума» достаточно подробно описал психосоциальный архетип конформистов, подобных Зверкову, Трудолюбову и других персонажей из произведения «Записок из подполья». Они навсегда потеряли себя, являясь обезличенным продуктом «торговой цивилизации» (в терминологии В. Зомбарта): «Единственный открытый перед ним путь – это путь подражания. Своими реакциями он как бы постоянно выражает понимание самого себя, причем делает это не только сознательно, но и всем своим существом, имитируя характерные черты и установки, представляемые теми коллективами, в которые он вовлечен, – товарищами по игре, одноклассниками, спортивной командой и другими группами. И, как было уже сказано, эти группы в силу полной ассимиляции индивида принуждают к еще более последовательному конформизму и к еще более безысходному подчинению» [8, с. 163]. Потеря собственной личности – это процесс утраты аутентичного Я, и Достоевский значительно раньше М. Хоркхаймера на страницах своих произведений подробно описал алгоритмику данного трагического процесса.

Таким образом, исходя из логики наших аргументов, мы можем назвать Достоевского одним из ярчайших предшественников франкфуртской школы критической социологии. Русским мыслителем задолго до появления монографии М. Хоркхаймера «Затмение разума» описан процесс трансформации личности, превращение ее в «программируемый автомат». Более того, предвосхищая многие идеи немецкого социального философа, Достоевский предложил читающей публике альтернативную личность, «бунтующего человека», который не желает быть «фортепьянной клавишей» и ведет бескомпромиссную борьбу за свой сугубо аутентичный внутренний мир, даже если шансы на успех минимальны («Записки из подполья»).

Литература

1. Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 1, 2. – М. : Художественная литература, 1972. – 365 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – Т. 4. – Л. : Наука, 1989. – 782 с.
4. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 27 сентября 2017 г. : в 2 ч. – Ч. 1. – Вологда : ООО «Маркер», 2017. – С. 126–127.
5. Лесевицкий А. В. «Одномерный человек» как философская проблема в творчестве Г. Маркузе и Ф. М. Достоевского // Антро. – 2013. – № 1 (12). – С. 114–132.
6. Фридендер Г. М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. – Л. : Наука, 1978. – С. 117–175.
7. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 415 с.
8. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. – 224 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines,
Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia(Perm)

Criticism of the Conformist Universe in the Works of F. M. Dostoevsky and M. Horkheimer

For the first time in the research literature about F. M. Dostoevsky, the writer appears as the largest predecessor of the Frankfurt school of neo-Marxism. The article provides a comparative analysis of the philosophemes of M. Horkheimer and the “Russian Dante” through the prism of ambivalence of conformism and nonconformism. The psychosocial archetypes of I. F. Karamazov, N. F. Barashkova and the «underground master» are considered in comparison with the anthropological inventions of I. Horkheimer in his monograph “The Eclipse of Reason”. The authors conclude that there is a fundamental ideological unity between the Director of the Frankfurt sociological Institute and the Russian classical scholar.

Keywords: conformism; nonconformism; neo-Marxism; Frankfurt school of sociology; Eclipse of reason; F. M. Dostoevsky; M. Horkheimer.